

Мария Викторовна Гарзийо

Кофе с круассаном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20582758

Аннотация

Марина по постсоветским представлениям и, по мнению собственной матери, без пяти минут старая дева. Ее жизнь медленно перетекает из одного малозначительного дня в другой, тускло переливаясь переводами на французский и приключениями Кати Пушкаревой. Единственную перчинку в эту безвкусную рутину вносит виртуальное общение с красавцем Лораном. К сожалению, судьба упорно противится их личной встрече. Когда долгожданное свидание, наконец, назначено, прекрасный принц исчезает, и спустя пару, наполненных тревогой и переживаниями, дней неизвестный звонящий сообщает девушке о его трагической гибели во время крушения самолета. Погоревав немного, Марина обнаруживает некоторые несоответствия в этой, как выясняется, примитивной театральной постановке. Ни в какой авиакатастрофе Лоран не погиб, он жив, здоров, и продолжает, должно быть, пить вино, жевать устрицы и разгуливать по Парижу с довольной усмешкой на красивом лице. Другая, поставив мысленно штамп «все мужики – козлы, и французы не исключение», вернулась бы к любимому сериалу. Но не Марина. Въедливая девушка решает докопаться до истины и, встретившись с обманщиком, высказать ему свое негодование.

– Представляешь, он вчера опять заходил на меня посмотреть, когда я в ванне сидела. И, приколи, подарил мне медвежонка. А мой бывший увидел медвежонка, сразу полез с вопросами, типа кто подарил. Он тоже в ванне был.

Любопытная получается картинка! Сидит пара в ванной, пока молодой человек мылил спину, нахальный поклонник влез на чужую жилплощадь и вручил даме плюшевого зверя. Не знаю, насколько далеко увлекло бы меня мое богатое воображение, если бы следующая фраза не внесла ясность в эту несусветицу. Девушка, разговор которой по мобильнику, я вынуждена подслушивать в виду ораторской громкости ее голоса, подразумевает виртуальные переписки на популярном латвийском сайте one.lv[1]. Как только молодежь не склоняет это чуждое латвийскому уху название, кто сидит «на Ване», кто «в ванне», кто в «вони», а некоторые знатоки вообще «на онэ». Когда загадочная история с принятием совмест-

ных водных

процедур перерастает в банальный Интернетфлирт, я мгновенно теряю к ней всякий интерес. Опять Интернет! Куда не глянь, всюду один Интернет!

Сколько пар начинают свои отношения с какогонибудь убогого «привет, отличная фотка», или «давай познакомимся поближе, у тебя есть МСН?»

или еще того хуже с какогонибудь виртуального мишки или цветка. То ли

было раньше. Он закружил ее в вальсе на балу у княгини, он вырвал ее из

рук кровожадных разбойников, спас от преследования Инквизиции, бросил

к ее ногам убитого мамонта.. Согласитесь, реальный мамонт это всетаки

покруче виртуального медведя. Впрочем, к чему все это ханжество. Можно

подумать, я ищу работу по газетным объявлениям и знакомлюсь с

мужчинами в библиотеке. Виртуальная сеть неизбежно поглотила и меня.

Хотя надо признать, я достаточно долго сопротивлялась. Врожденный

романтизм бился во мне до последнего за шанс быть спасенной доблестным

рыцарем. Последней каплей, которая переполнила чашу терпения, и перелившимся через край потоком унесла меня в глубины Интернет

пространства стала свадьба подружки Лены. Лена на два года младше меня, ей недавно исполнилось 27. На мой взгляд, не слишком симпатичная, с мелкими чертами лица и неидеальной фигурой (я тоже не подхожу под каноны 906090, но бедра у меня всетаки поуже и бока не свисают по обе стороны от резиночки стрингов), она умудрилась таки выйти замуж раньше меня. Мало того, еще и за француза, хотя я по профессии переводчик языка Мопассана, а она не знает ничего кроме ‘ *Voulez Vous coucher avec moi ce soir*’[2]. Мало того, она еще и закатила шикарную свадьбу в столице моды, гастрономии и любви – Париже. Я была приглашена на празднование, и по иронии судьбы или по злему умыслу невесты, посажена за столик с пафосным названием «Эликсир любви». Надо заметить, что на тот момент я была абсолютно одинока, мои отношения с Антоном давно сошли на нет, и слова «свидания» и «секс», окончательно отчаявшись, по-

кинули мой
лексикон. И вместо того, чтобы воспользоваться такой
уникальной
возможностью, и разговориться за столиком с очарова-
тельным
незнакомцем, я в течение всего вечера созерцала страст-
ные поцелуи своих
счастливых соседей по «Эликсиру любви» и слушала их
восторженные
рассказы о знакомстве. Ощущая себя Бриджит Джонс в
полной мере, я
налегала на вино, и выжимала из себя улыбку. Все три па-
ры познакомились
в Интернете, на какомто международном сайте, название
которого одна
сердобольная дамочка, позже написала мне на салфетке.
Я промокнула
этой салфеткой растекшуюся тушь, наблюдая, как Ленка,
затянутая до
обморока в корсет, поверх которого свисают заведомо
подпеченные в
солярии тела, кружится в обнимку со своим Пьером под
мою любимую
‘Si tu n’existais pas’ Джо Дассена.
Окончание банкета, благодаря непозволительно большо-
му количеству

выпитого запомнилось плохо. Зато на следующее утро, проснувшись в крошечном номере дешевого отеля на пару с отвратительной головной болью, я твердо решила расстаться, наконец, с детскими фантазиями, и взяться всерьез за устройство собственной судьбы. А точнее доверить это устройство всемирному виртуальному разуму. Надо сказать, что уже первый улов, который принесла мне знаменитая сеть, заставил меня пожалеть об этом решении. Возраст позарившихся на мое фото в бикини, соискателей любви давно перевалил за сорок и в большинстве случаев уже приближался к пятидесяти. Немолодые Джоны из Лондона, Карлы из Мюнхена, Луиджи из Палермо и Жаны из Лиона щедро сыпали однообразными комплиментами, приглашали в гости и обещали познакомить с детьми и внуками. Перспектива встречи с поклонниками пенсионного возраста меня не обрадовала. Получив пламенное послание от очередного 59летнего Свэна, который хвастал, как отлич-

но сохранился, я
долго и скрупулезно разглядывала свою физиономию в
зеркале. Неужели не
успев еще пересечь ужасающий тридцатилетний рубеж, я
уже так не
товарно выгляжу, что позариться на меня могут только
иностранные
дедушки.
Мама подняла на смех мои Интернетпоиски и заявила,
что лучше Антона
мне все равно никого не найти, и что я была дурой, что
его упустила. С
упомянутым индивидуумом я познакомилась в свое вре-
мя вполне
естественным и вполне романтичным способом – на дис-
котеке. Его
товарищ перебрал с алкоголем и желудок несчастного по-
желал
опустошиться именно в тот момент, когда рядом на дива-
не находилась моя
светлая куртка. Мы с Антоном вместе тащили трупопо-
добного дружка
домой, и отмывали в ванне мою куртку. Потом он несколь-
ко раз приглашал
меня на свидания, каждый раз дарил неизменную красную
розу и вел

ужинать в пиццерию. В общем, ухаживал как надо.

Наша первая ночь любви состоялась в палатке на его корпоративном

пикнике. В самый неподходящий момент на мою беззащитно оголенную

филейную часть напал какойто злобный неизвестный на-
уке жук.

Романтический момент, как говорила Машенька, был лично
для меня

безвозвратно утерян. Антон, которого жук видимо, посчи-
тал несъедобным, по всей видимости, получил таки удоволь-
ствие. Вскоре после этого

судьбоносного пикника, Антон переехал ко мне. Я живу
с мамой в

трехкомнатной квартире в центре Риги, оставшейся нам
от бабушки

военного. После перестройки бабушку признали оккупан-
том, но он к тому

времени уже умер, и потому не стал краснеть от стыда от
такого

определения. По принятому правительством закону, на
наш старый дом мог

отыскаться довоенный владелец и потребовать с нас плату
за жилье. Но

пока таковой нас не беспокоил. Антон пожелал поселить-
ся у нас по его

словам изза того, что был не в состоянии существовать
долгое время вдали
от меня, а настоящей причиной, как я подозревала, была
его Даугавпилская
прописка и отсутствие жилплощади в Риге. Маме он по-
чемуто сразу
пришелся по душе. Возможно, ее впечатлили одиночные
красные розы, даримые нам обоим с завидной периодично-
стью. А может быть он просто
являлся в мамином представлении идеалом мужчины, ко-
торого она хотела
видеть рядом со своей дочерью. Не старый (мой ровесник,
почти
непьющий, малокурящий, не ворующий, а зарабатываю-
щий деньги
собственным умом системный администратор в какойто
дохлой конторке), и к тому же не урод. Удивительно, что по-
ложительная характеристика в
целом складывалась из одних отрицаний. Мнето самой,
конечно, мой
принц виделся совсем другим. Но за отсутствием очереди
поклонников у
моих дверей, сгодился и Антон. Мы прожили вместе че-
тыре года, и я
начала уже было покупать журнал «Ваша свадьба», когда
вдруг он собрал

свои немногочисленные вещички (среди которых подаренные мне ноутбук и миксер) и ушел, заявив на прощание, что ему все надоело и он уезжает обратно в Даугавпилс. Вечером мы с мамой с горя хряпнули коньячку. Она считала, что Антон ушел, потому что я не уделяла ему достойного внимания. Я же в тайне подозревала, что потенциального жениха спугнули недавно приготовленные ею вонючие котлеты из несвежего фарша. Как бы то ни было, назад Антон так и не вернулся и на мои покаянные смс ни разу не ответил. Знакомая знакомой подруги знакомой смакуя удовольствие, сообщила мне, что видела его в пиццерии с какойто брюнеткой. Когда мужчина уходит от блондинки к брюнетке это двойное поражение. От переживаний я решила уйти в запой. Но уже на второй день мой организм наотрез отказался травиться алкогольным ядом, и с этой перспективной идеей пришлось расстаться. Я ушла с головой в работу (моторный перевод французской кулинарной книги) и постепенно боль от

предательства

Антон утихла. С тех пор на протяжении двух лет я просыпалась одна, по

выходным пропалывала грядке на даче, а вечерами смотрела вместе с

мамой все сериалы подряд и искренне переживала за героев. А времято

шло, пока я сетовала о судьбе Кати Пушкаревой, мои знакомые и подруги

выходили замуж и рожали детей. Когда я занялась целенаправленными

поисками спутника жизни по средствам Интернета, мама заявила, что в

виртуальных пространствах водятся одни только извращенцы и зачитала

мне статью про маньяка, который разыскивал свои жертвы на сайтах

знакомств. Мне нечем было ей ответить, не показывать же седовласых

ухажеров. Спустя три недели после помещения моего профиля на сайте

мне написал тридцатилетний мужчина, не лишенный привлекательности. Я

перевела его письмо маме. Ей он в целом пришелся по вкусу, но, узнав имя, она наотрез запретила мне заводить отношения со Скоттом. «Не хочу зятя

скота», безапелляционно заявила мама, и мне пришлось распрощаться с молодым ирландцем. Потом она по такому же принципу забраковала тридцатипятилетнего турка Омара и тридцати восьмилетнего датчанина Кнута. Чем ей не угодил Анах Хурани из Киркука я так и не поняла, но твердо решила письма больше маме не показывать и мнения ее не спрашивать. Жить со Скоттом или с Омаром всетаки мне, а не ей. И вот тут то, как будто почувствовав момент, и появился Он. Его звали Лоран Дюссан, ему было тридцать два года, и он был красив как Бог. Увидев впервые фотографию, я не поверила своим глазам. Чтобы такой мужчина и написал мне, без пяти минут старой деве, пылящейся дома за переводами в халате и тапочках! Впрочем, надо отдать мне должное, на интернетном снимке я без тапочек и вообще еще очень даже ничего. Но он... Красиво очерченный овал лица, чувственные губы, прямой нос, блестящие темные

глаза под ровными бровями, аккуратная прическа, белая рубашка, распахнутая на загорелой груди... Отправив ему ответ, я с нетерпением

ожидала письма. А что если это все? Если он перепутал или пошутил?

Дергаться и задаваться подобными вопросами мне пришлось дней пять, на

шестой в электронном почтовом ящике меня встретило вожаженное

сообщение от красавца Лорана. Он восхищался моим владением

французским и желал узнать обо мне как можно больше. Так все и

началось.

Любительница общения в ванне заканчивает разговор с подружкой.

Маршрутное такси тормозит, чтобы впустить в свои недра очередную

партию пассажиров. При этом имеющиеся уже в салоне людские массы

спрессовываются на манер рижских шпрот. Никто не возмущается

жадности водителя, народ молча цепляется друг за друга, втягивает голову

в плечи и синхронно подскакивает, когда маршрутку трясет на выложенной

булыжниками дороге. Прибалтийский темперамент, думаю я, разглядывая
скупившихся пассажиров и радуясь своему сидячему месту. Мобильник
оповещает меня о получении нового сообщения. Я улыбаюсь в
предвкушении. «Я очень скучаю по тебе, милая» пишет Лоран, «Только что
закончил важные переговоры. Вечером вылетаю в Сидней. Постараюсь
позвонить тебе до этого. Целую нежно». Я сдерживаю привычный порыв
прижать аппарат к губам. Какой же он замечательный, мой Лоран! Такой
заботливый, любящий, нежный! Вчера мы проговорили полтора часа по
телефону, и даже мельком затронули тему помолвки. Лоран сказал, что он
на сто процентов уверен, что я – именно та женщина, с которой он хочет
прожить всю свою жизнь. Я в принципе тоже уверена, что он – мужчина
моей мечты, и я с удовольствием вышла бы за него замуж. Меня только
немного смущает одно «малозначительное» обстоятельство.

Мы никогда не видели друг друга. В реальной жизни, я имею в виду. Наши

виртуальные отношения длятся вот уже почти год, мы часами болтаем в

МСНе и по мобильному, у меня хранится целая папка с его фотографиями, но мы так ни разу и не встретились по-настоящему. Каждый раз, когда мы

выбираем число и собираемся уже заказать билеты, непременно происходит

какое-то ЧП. То у Лорана срочная деловая поездка, то у меня неотложный

перевод. Судьба, как будто нарочно играет с нами, удерживая на

расстоянии друг от друга. «Это чтобы мы смогли потом в полной мере

оценить встречу», не унывает мой любимый оптимист. На сей раз мы вроде

договорились, что сразу по возвращению из Сиднея, Лоран приедет ко мне.

Я даже уже приобрела туристическую брошюрку по Риге, чтобы знать, что

ему показать и куда отвести. Мама относится к этим отношениям

скептически и называет Лорана «этот твой неизвестный француз». Я

пыталась пару раз втолковать ей, что Лоран лично мне

очень даже

известный, я знаю всю его жизнь, судьбу его родителей, его

гастрономические пристрастия и бок, на котором он предпочитает спать.

Более того, нас связывают уже и виртуальные интимные отношения, которые, не смотря на ограниченность возможностей, доставляют мне

гораздо больше удовольствия, чем та памятная ночь с Антоном и жуком.

Впрочем, об этом я, конечно, маме не рассказываю. Маршрутка тормозит

на моей остановке. Я продираюсь через дебри пассажиров, чувствуя, что

несколько пуговиц от этого соприкосновения уже готовятся покинуть мой

пиджак. К счастью я вываливаюсь из маршрутки раньше, чем они успевают

окончательно дезертировать.

Вечером мы пьем с мамой чай под телевизионные переживания

Пушкаревой, которая за сто с лишним серий так и не удосужилась снять

очки и пластинку с зубов. Мы продолжаем следить за незатейливым

сюжетом в надежде, что когданибудь это чудо всетаки

произойдет. От

сериала и дымящейся чашки мятного чая меня отрывает звонок Лорана. На

экране мобильного высвечивается привычное ‘private number’, я хватаю

аппарат и ухожу в свою комнату. Мама вздыхает и неодобрительно качает

головой.

– Как ты, mon coeur[3]? Как прошел день? Ты съездила в агентство?

– Все отлично. Я подписала с ними договор. Они дали мне путеводитель

вин. Надо сделать до следующей пятницы.

– Ого, ты теперь будешь разбираться в винах лучше меня!

– Вряд ли это возможно. А как ты? Где ты находишься?

– В аэропорту Шарль де Голль. Мой самолет вылетает через час.

– Когда ты будешь в Сиднее?

– Через десять часов после вылета. Ты знаешь, у меня какое-то

неприятное предчувствие. Не хочется лететь туда.

– А отказаться нельзя?

– К сожалению нет. У меня важная встреча завтра в обед.

От нее много

что зависит. Впрочем, это наверно не предчувствие, я просто устал, и мне

хочется к тебе, а не в Сидней.

– Может, еще не поздно поменять билет? Я купила туристический

справочник по Риге. Узнала столько нового.

– Значит, у меня будет отличный гид! Я тебе обещаю, любовь моя, что

сразу же после Австралии я прилечу в Ригу. Я уже смотрел билеты, нашел

прямой рейс из Парижа. Мне так хочется, наконецто тебя увидеть.

– Мне тоже. Очень, очень.

– Мне так понравилась фотография, которую ты мне прислала вчера. Как

ты угадала, что мне нравится красное белье...

Я закрываю поплотнее дверь в комнату. Мама, конечно, не понимает по

французски, но даже по моей интонации можно догадаться, что обсуждаем

мы не доказательство теоремы Ферма. В конце сорокаминутной беседы

Лоран шепчет в трубку, что любит меня.

– Что бы не случилось, помни об этом, – просит он.

– А что может случиться? – волнуюсь я.

– Ничего. Ничего не случится. Целую тебя.

Я целую трубку и нажимаю отбой. Через две недели я его увижу! Я смогу, наконецто, прижаться к нему и поцеловать

его понастоящему! Мама

нарочито громко шуршит газетами. Я выхожу на кухню, стараясь не

демонстрировать открыто своей радости. Но маму так просто не

проведешь.

– Ишь вся светится прямо! – замечает она с упрёком.

– Чем закончилась Пушкарева? – интересуюсь я нейтрально.

– Как всегда ничем. Скажи лучше, чем тебя так порадовал этот твой

неизвестный француз?

– Между прочим, у него есть имя.

– Эти нерусские имена невозможно запомнить. Баран что ли?

– Лоран, мама, Лоран!

– Один черт. Вообще не нравится мне он. Мужчина должен быть немного

красивее обезьяны. А этот! Прямо актер какойто. Ты вообще уверена, что

это его фотография?

– Уверена, мама. Я не одну фотографию видела, у меня целый альбом. И

вообще он скоро приедет, ты сама во всем убедишься.

– Да, неужели! Опять, небось, обманет.

Мое хорошее настроение в неравной борьбе с натиском

маминого

пессимизма начинает заметно сдавать позиции.

– Все, я пошла спать, – ретируюсь я в надежде сохранить хотя бы его остатки.

– Почти тридцатник девке, а она вместо того, чтобы найти нормального

работающего парня, тешет себя несбыточными мечтами о какомто

французе. Да, зачем ты нужно этому французу? У него, что в Париже

своих француженок нет? – кричит мне в след добрая родительница.

Остатки хорошего настроения окончательно улетучиваются. Перед тем как

лечь спать, я долго смотрю на мониторе фотографии Лорана. Он прислал

мне несколько профессиональных фото – чернобелые и цветные портреты, на которых он действительно напоминает какогонибудь красавчика

актера, а вслед за ними снимки из жизни, с вечеринок, поездок, ресторанов.

Я смотрю на него, и по всему моему телу пробегает жаркая волна. Скорее

бы уже увидеть его. Скорее бы. Мобильный дергается и пищит

сообщением. «Моя любовь, я уже в самолете. Отключаю телефон. Позвоню по приезду. Целую». Я засыпаю с аппаратом в руке.

На следующий день я с самого утра берусь за вина. Перевод оказывает несложный, всюду идут повторения. Полусладкое, столовое, с фруктовым привкусом... Пока мои пальцы печатают переведенный текст, мозг прокручивает ленту воспоминаний. В университетские годы мы с подружками в парке на скамейке пытаемся откупорить бутылку недорогого вина, купленного в складчину. Штопора в наличии естественно не имеется; из подручных инструментов у нас только карандаш и зонт. Хохоча, мы долбим рукояткой зонта по карандашу, который неохотно толкает пробку внутрь бутылки. Уступив этому совместному натиску, пробка, наконец, проскальзывает вовнутрь, увлекая за собой карандаш. Цель достигнута, мы пьем терпкое вино с привкусом карандашного грифеля, жизнь кажется прекрасной и многообещающей. Domaine de la Romanée Conti 1990года, Romanée Conti красное вино, цена 16 190, 40 евро, отличается легким

вкусом карандаша», набирают мои пальцы.

По радио ведущий читает поздравления. «Екатерина благодарит своего

мужа за то, что он подарил ей сына». В магазине что ли купил? – думаю я.

Раньше мужья благодарили жен, всетаки именно женщины претерпевают

муки родов. А мужика за что благодарить? За один ловкий сперматозоид?

Окончательно отвлекшись от перевода, я смотрю на часы. У нас

одиннадцать утра, значит, в Сиднее уже семь вечера. Лоран давно должен

был добраться. Он обещал отправить мне сообщение, как только

разместится в отеле. Экран мобильного девственно чист. Я решаю

подождать еще часик – два, может, быть рейс задержали. Мне не к месту

вспоминается его плохое предчувствие. Я пытаюсь сконцентрироваться на

винах. Через два часа у меня появляется горячее желание выпить сразу все

переводимые вина, чтобы хоть както успокоиться. Мобильный упорно

безмолвствует. Лоран в принципе очень ответственный,

если он говорит, что позвонит в определенное время, то всегда выполняет данное обещание.

Чтото случилось! Чтото непременно случилось! Чтото плохое. По

истечению еще трех часов мое терпение заканчивается. В ход идут мамины

сердечные капли. Я набираю номер, который он когда-то давал мне для

связи, но которым я никогда не пользовалась, потому что он всегда звонил

и писал сам. Абонент не существует. Я судорожно пытаюсь вспомнить

название отеля, в котором он собирался остановиться. Там было чего-то

четыре. Печатаю в Гугле «four hotel Sydney». Поисковик одним из первых

результатов выдает Four Seasons Hotel Sydney. Отлично, это он и есть.

Дрожащими пальцами набираю многозначный номер. Английский я учила в

школе, но коекакие основы еще сохранились с тех пор в глубинах памяти.

Учитывая то, что все знания и умения человека обостряются в стрессовой

ситуации, я надеюсь, что мне удастся сформулировать интересующий меня

вопрос. Мои надежды оправдываются. Клерк вежливо общается мне, что

мистера Дюссана нет в списке их гостей и в ближайшее время таковой не

предвидится. Неужели я перепутала название? Да, нет, же, он мне указывал

именно этот отель. Что же делать? Я отправляю на адрес Лорана имейл с

просьбой связаться со мной, как только представиться возможность.

Сердечные капли уже не помогают. Мне хочется стащить из маминой пачки

сигарету, хотя я не курю вот уже два года, с того момента, когда моя

попытка уйти в запой одержала фиаско. «Успокойся и жди звонка»

убеждает меня здравый смысл. «Может, он в другом отеле, устал с дороги, заснул». Может быть. А может, произошло что-то ужасное и непоправимое.

Не зря же его тяготило это дурное предчувствие. В любом случае по моим

подсчетам там сейчас ночь. Надо постараться сегодня не думать больше об

этом, а завтра я проснусь и увижу на экране телефона сообщение, начинающееся привычным «са va mon coeur?» Он объяснит мне, что рейс

задержали, что он перепутал отель, что решил, что я сплю,
и не стал

беспокоить звонком. Все будет именно так, успокаиваю я
себя. «Ни фига

подобного» ухмыляется наверху некто всезнающий, на-
блюдая за моими

мытарствами. Я не слышу его и весь вечер глушу свою
тревогу нервным
чаем.

Ночью меня мучают кошмары. Гигантский жук в унифор-
ме клерка

австралийского отеля, шевеля чешуйчатыми лапищами,
шипит по

английски: «Нет, у нас никакого Дюссана. Был, да сплыл».

Он поглаживает свой длинный ус, и я с ужасом вижу, что
из его пасти

свисает человеческая нога. Я просыпаюсь несколько раз
за ночь, пытаюсь

мысленно изменить продолжение этого кошмара. Но сто-
ит мне только

заснуть, как передо мной вновь предстает это отврати-
тельное насекомое.

Утро приходит вместе с головной болью и ощущением
полной разбитости.

Я первым делом хватаюсь за телефон. Сердце, настроив-
шееся на радостный

скачек, при виде пустого экрана проваливается кудато так глубоко, что я

не уверена, выберется ли оно когданибудь оттуда. Я набираю номер, абонент которого вчера не существовал. Чем черт не шутит. Черт не шутит

ничем. Несуществовавший абонент продолжает не существовать. Мой

почтовый ящик тоже не радуется: несколько выгоднейших предложений по

увеличению детородного органа, пара писем от очередных хорошо

сохранившихся дедушек и уведомление о получении нового сообщения от

пользователя «бывалый котяра». Окончательно отчаявшись, я отправляю на

адрес Лорана серию истеричных сообщений напечатанных Caps Lock'ом с

одинаковым криком души «ПОЗВОНИ МНЕ». На этом мои возможности

исчерпываются. Я плетусь на кухню и завариваю себе гигантскую чашку

нервного сбора. Слава Богу, мама ушла по какимто своим школьным

делам (она учительница), и мне не приходится объяснять ей свой

вздрюченный вид.

Весь день я страдаю. Страдать, между прочим, тоже надо уметь. Я умею.

Сажу на диване растрепанная, в халате, хлебаю литрами противнейший на

вкус травяной отвар, который действует скорее не как успокоительное, а

как мочегонное и отказываюсь от еды. Если становится совсем не в моготу, я позволяю себе съесть что-нибудь, только обязательно невкусное.

Недоваренные макароны, холодную кашу, черствый хлеб. Вкусная еда

может доставить удовольствие и отвлечь от депрессии, а этого допускать

нельзя. Я перечитываю в телефоне трогательные сообщения от Лорана, размазывая рукавом халата слезы по щекам, и представляю себе, что скажу, когда он, наконец, позвонит. Я буду кричать на него так, что у него

полопаются барабанные перепонки, а под конец обвинительной тирады

всплакну и велю никогда мне больше не звонить. Или же нет, я отвечу

спокойным и безразличным тоном и заявлю, что он безответственный тип, и

между нами все кончено. Или нет, я не буду кричать, не буду его ни в чем

обвинять и угрожать разрывом отношений, я буду крот-

кой и понимающей.

Пусть только он позвонит. Ну, пожалуйста! Но, похоже, ни Лорану, ни

Господу Богу не слышны мои мольбы. Во всяком случае, ни один из них не реагирует.

К вечеру возвращается мама, и мне приходится вылезти из халата и

привести себя в божеский вид. Она рассказывает, что какойто

бессовестный ученик украл кактус из кабинета директора.

Я слушаю в пол

уха, ковыряя вилкой тушеное мясо.

– Что ты там ищешь? Все съедобное! – кипятится мама, заметив мои

манипуляции.

– Чтото аппетита нет. Пойду, поделаю перевод.

– Ну, вот на тройку поела! Откуда взяться силам на работу. Посмотри на

себя, зеленая вся!

Мама, учитель со стажем, всегда оценивает мою еду по пятибалльной

шкале. В детстве меня это мотивировало, и я старалась есть на пятерку.

Теперь мне все равно.

Я плетусь в свою комнату. Перевод по понятным причи-

нам не спорится.

Звонок телефона кажется таким громким и неожиданным, что я

подскакиваю на стуле. «Private number» уведомляет меня телефонная

служба. Я хватаю аппарат.

– Лоран, ты где?

Однако, в трубке слышится не знакомый мне голос, а какое-то

плохоразличимое хриплое бормотание.

– Алло? Лоран, это ты?

– Это Марина?

– Да, это я. Кто говорит?

– Простите, очень плохая связь.

– Что?

От волнения я выкрикиваю невежливое QUOI вместо полагающегося

COMMENT.

– Я говорю, плохая связь, – повышает голос мой неизвестный собеседник,

– Я должен сообщить вам неприятную новость.

– Кто вы?

– Я ... Лорана, – слышимость ужасная, я различаю одно слово из трех, –

Он ... в авиакатастрофе... Сидней. Его тело... в Париж... родные...

трагедия... ваш номер...

– Алло! Алло! Я вас не слышу!

Я не хочу его слышать. Мне не хочется признать, что по тем обрывкам, которые все-таки уловило мое ухо все и так предельно ясно.

– Я говорю, Лоран погиб. Простите. Примите соболезнования.

– Когда? Где? Я хочу знать все! Кто вы ему? Как вы узнали обо мне?

– Я... телефон... его родные...

– QUOI?

Голос в трубке поглощает шипение и хрип, я уже не могу различить ни

единого слова.

– Подождите! – кричу я в отчаянии, – Я хочу знать... Я хочу приехать на похороны.

Он уже не слышит меня. В трубке безразличные гудки. Мой первый порыв –

перезвонить и выяснить все как следует. Но перезвонить куда? Номер не

высветился. Я жду, что может быть неизвестный сам догадается это

сделать. Но нет, незнакомому французу наплевать на незнакомую рижанку.

Он выполнил свой долг, сообщил, и хватит, чего еще день-

ги на заграничные

звонки тратить. Я зарываюсь лицом в подушку и рыдаю так громко и

отчаянно, как будто кто-то умер. Почему как будто? Так и есть. В комнату

врывается обеспокоенная мама.

– Что случилось?

Я не в силах ответить, язык не случается. Мне удастся вы-
давить из себя

только невразумительное бульканье.

– Тебя чем-то обидел этот француз? Он опять не придет?

– Он уууууууууу умер, – вою я и утыкаюсь обратно в подуш-
ку.

– Как? Когда? О, Господи.

Мама понимает, что я не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы. Она

уходит на кухню и возвращается с пузырьком сердечных
капель. Я

послушно пью их из ложки.

– Вот ведь француз, и так от него мало пользы было, а
теперь еще взял и

умер, – ворчит мама, но я чувствую, что за этим показным
цинизмом она

пытается скрыть свое волнение.

Весь вечер мы сидим на кухне в обнимку и по очереди
отпиваем из

волшебного пузырька.

– Я обязательно должна поехать на похороны, – сонно бормочу я.

Мама безразлично кивает, на нее успокоительные капли тоже действуют

как снотворное. Я представляю статью в желтой прессе «Невеста впервые

увидела жениха на его похоронах. Такого вы еще не читали». Я еле

доползаю до кровати и сразу же проваливаюсь в сон.

Следующим утром меня будит выстрелом в затылок воспоминание о

случившемся. «Нет, этого не может быть» заявляет мой непотопляемый

оптимизм, просыпаясь и зевая, «Может, это не тот Лоран, мало ли какие

бывают ошибки. Кроме того, тут толком вообще ничего неизвестно. Надо

сначала все выяснить, а потом уже слезы лить». «Ну, чтобы слезы лить, допустим, нам много поводов не надо», думаю я, разглядывая в зеркало

свою опухшую физиономию, «в этом мы большие мастера». Мама уже ушла

на очередной педсовет, оставив мне записку с требованием не вешать нос и

новую бутылочку сердечных капель. От одного ее вида,

меня както сразу

мутит. За два дня я выхлебала уже столько, что у меня в жилах уже

наверно вместо крови эти сердечные капли. Нет, хватит безвольно

депрессировать в халате, надо взять себя в руки и начать действовать. В

первую очередь необходимо поговорить еще раз со звонившим мне

французом, другом или родственником Лорана. Для этого мне требуется

его номер. Я звоню в Tele2 и прошу выслать мне на имейл счет за этот

месяц вместе с распечаткой звонков. Девушка клерк обещает выполнить

мою просьбу в ближайшее время. В ожидании ее имейла, я открываю

старые счета, которые хранятся на всякий случай в ящике. К ним

прилагаются списки всех звонков и сообщений за месяц. Я никогда до

сегодняшнего дня эти приложения не смотрела. Меня интересовала только

конечная сумма для оплаты. Итак, 80% всех звонков и сообщений исходят

от многозначного номера, начинающегося на +336. Выхо-

дит, это и есть

номер Лорана, который мой мобильный скрывает за занавеской «private number». Я сравниваю его с той комбинацией цифр, которую мне в свое

время диктовал Лоран как личный номер. Кроме кода страны ничего

общего не наблюдается. Странно, что он звонит мне с одного номера, а для

связи дает другой. Впрочем, одергиваю я себя, что тут странного? У

делового человека должно быть несколько телефонов. Ага, и один с

заведомо несуществующим абонентом. А что, если до позавчерашнего дня

он существовал? Я ведь никогда раньше не пыталась по нему звонить.

Служба уведомляет меня о получении письма от Tele2. Так, посмотрим. Я

нетерпеливо жму курсором на ярлычок приложенного файла. Последний

звонок вчера в районе восьми вечера... Нет, этого не может быть! Мое

сердце замирает на месте, не зная, куда ему лететь, вверх или вниз. Номер

звонившего мне вчера француза до одной цифры совпадает с тем, с

которого мне все эти месяцы звонил Лоран! Представим, что перед отъездом он забыл телефон дома (хотя такого с ним, насколько мне известно, никогда не случалось), и после известия об автотрагедии близкий друг или родственник находит этот телефон, видит часто повторяющийся мой номер, и перезванивает по нему, чтобы сообщить неприятное известие. Гипотеза не сходится хотя бы потому, что во время нашего последнего разговора (который, судя по распечатке, происходил посредством этого телефона), Лоран уже находился в аэропорту и ему оставался час до вылета. Кроме того, его последнее сообщение, посланное с этого же номера, гласило, что он уже в самолете. Каким образом СИМ карта из аппарата погибшего в авиатрагедии Лорана могла спастись и попасть в руки его знакомого? У меня леденеет пропитанная сердечными каплями кровь. Все это начинает смахивать на фарс. Неужели... Нет, этого

не может быть. Разве можно быть таким холодным бес-
сердечным
циником?! Я набираю дрожащими пальцами номер, кото-
рый значится на
всех распечатках. Длинные гудки тянутся целую вечность,
отдаваясь болью
у меня в ушах. Не берет. Видит мой номер и не берет труб-
ку. Я зверею и
начинаю трезвонить без остановки. На тридцатом звонке
электронный
голос сообщает мне пофранцузски: «абонент не суще-
ствует». Et voila!
Концы в воду. Выбросил карту, купил новую. Выбросил
надоевшую
рижскую игрушку, нашел новую. Уже почти не сомнева-
ясь, что стала
жертвой жестокого розыгрыша, я все-таки просматриваю
информационные
блоки в поисках недавней авиакатастрофы. Нет, как и сле-
довало
предположить, подобных сведений не наблюдается. Я ре-
шаю на этом не
останавливаться и разыскиваю авиакомпании, которые в
тот день
совершали рейсы ПарижСидней. Система выдает мне два
варианта Air France и Virgin Atlantic. Я по очереди связыва-

юсь с парижскими офисами

обеих компаний и выясняю, что никаких аварий не было ни в тот день, ни

за весь прошедший год. Я интересуюсь, числился ли в списках пассажиров

Лоран Дюссан. Мне оба раза вежливо отвечают. Что подобной информации

предоставить не могут. Ладно, это уже не суть важно. Главное, что

авиакатастрофа – вранье с целью от меня избавиться. Боже мой, уж лучше

бы он и, правда, разбился!

Я, уже не колеблясь, выбиваю сигарету из маминой пачки Vogue и жадно

затягиваюсь. Жадничаю я напрасно, мое отвыкшее от табака горло

отзывается возмущенным кашлем. Как он мог?! Он ведь сам первый

заговорил о любви, о помолвке. Никто ведь его за язык его поганый не

тянул. Я давлюсь сигаретным дымом и слезами. Вдова на похоронах ни разу

в жизни не виденного жениха! Выдумала тоже. Наивная дура! Говорила же

мама – не доверяй мужикам из Интернета. Надо было раз в жизни

послушаться. А он, какая же все-таки сволочь! Нет, чтобы просто сказать —

извини, встретил другую, настоящую, а не виртуальную, прощай, не

поминай лихом. Нет, надо было выдумать этакую героическую смерть. И

ведь готовился же, гад. Не зря пел мне про свои предчувствия и просил

помнить всю жизнь, что любил, и носить траур до пенсии. Я скрежещу

зубами от распирающей меня злости и обиды. Сигарета догорает, и я

бросаю ее в окно. Что же теперь делать?

Запой, по опыту прежних лет, не проходит. Остается депрессия. Долгая, глубокая и беспросветная. Я несколько дней автоматически перевозжу вина, которые ненавижу в глубине души, как и все французское. Все, включая

некогда обожаемого Джо Дассена и Сержа Лама. По вечерам я, играя в

«Цивилизацию» за Россию, с остервенением изничтожаю французскую

армию и отказываюсь от переговоров с Наполеоном. Новость о том, что

французская команда с позором проиграла на чемпионате Европы по

футболу итальянцам, внушает искреннюю радость. Маму

беспокоит мое

состояние, но она тактично удерживается от расспросов.

На второй неделе депрессии ненависть неожиданно уступает дорогу

ностальгии. Я залезаю в почтовый ящик и открываю одно за другим письма

Лорана. Их, конечно, нужно уничтожить. Именно это я и собираюсь

сделать, только пробегу глазами напоследок. Вот оно самое первое письмо

— родоначальник всех последующих. «Vous etes charmante[4]» пишет мне

будущий подлец. Впрочем, подлецом он уже наверняка был и тогда. Скорее

всего, он уже родился им и ездил в колясочке с подлой ухмылкой на

маленькой сморщенной мордахе. Ну, и что там дальше в этом злосчастном

послании. Я такойто, живу в Париже, город любви... Убогие клише. Как я

раньше этого не замечала. Ясно, как. Я видела только его физиономию и

таяла при мысли, что такой красавец находит меня очаровательной.

«Надеюсь, что вы пожелаете мне ответить» завершает свое письмо мой

погибший в авиакатастрофе кавалер. Внизу электронная вставка —

Cordialement, Laurent Dussand и его парижский адрес. У меня в голове

загорается маленькая лампочка. Я поспешно загружаю следующее письмо —

подобной подписи нет. Как и во всех дальнейших. Я возвращаюсь к

первому сообщению с адресом. Что ж, Лоран Дюссан, по крайней мере, теперь мне известно, что ты реально существуешь и действительно живешь

в Париже. Теперь дело за малым. Я загружаю pagesjeunes.fr, жму курсором

на Pages Blanches, ввожу в пустующие поля имя, фамилию и адрес

Дюссана. Компьютер скрипит несколько мгновений своими электронными

мозгами и выдает мне домашний номер Лорана Дюссана, проживающего по

данному адресу. Поздравляю вас, Холмс! Не нужно оваций, Ватсон. Я

набираю указанный номер, не успев придумать, что скажу, если он ответит.

Он не отвечает. На часах полдень, мой мнимый мертвец либо работает, либо бродит по какимто своим мертвячьим делам. Я решаю перезвонить

позже.

Одна из многочисленных переводческих контор, с которыми я

сотрудничаю, высылает мне диплом некоего Яниса Иванова для перевода на

французский. Янису повезло, он едет учиться во Францию. А я сижу тут, связанная по рукам и ногам телефонными проводами, и не могу добраться

до обманувшего меня француза, заглянуть в его бесстыжие глаза, и

выяснить, откуда берется такая человеческая подлость. Заложена ли она в

генах или плещется в элегантном бокале Romanée Conti, поджидая ничего

не подозревающего гурмана. Я перевожу оценки Яниса, думая о своем. Что

я скажу Лорану по телефону? Что он сволочь? Connard тобишь. И что? Он

залется краской стыда, раскается и предложит мне руку и сердце? Даже

будучи чрезвычайно наивной, я с трудом верю в подобный исход дела. Что

же тогда? Нагрубит в ответ. Бросит трубку, поняв, что это я. А мне оно

надо? Еще один удар по моему и так уже истощенному самолюбию. Зато

если бы я была Янисом и собиралась бы в Париж на учебу, я могла бы

попутно заскочить по этому адресу и лицом к лицу встретиться с мосье

Дюссаном. Вот это было бы гораздо занимательнее. В мой мозг, расталкивая серые клетки, протискивается мысль. Если я не Янис Иванов, это еще не значит, что я не могу сесть на самолет и прилететь в Париж.

Серое вещество под действием здравого смысла пытается задавить

нерациональную мыслишку, но она уже бесконтрольно растет и расцветает.

Я звоню Ленке. Она очень радуется, лепечет, что соскучилась, что Пьер

слишком много работает, что на распродаже ей отдавили ногу и что

недавно она так отравилась устрицами, что чуть не умерла. Я обрываю ее, напоминая, что зарплата переводчика не резиновая, и что всю эту ересь она

сможет поведать мне при личной встрече, ибо я намереваюсь в ближайшее

время отяготить их своим визитом. Доброжелательность Ленки от этого

известия заметно убывает, она бормочет что-то про отсутствие спальных

мест, но, в конце концов, все-таки соглашается принять

незваную рижскую

гостью. Пол дела сделано. Я спешу заказать билеты, чтобы не дать

возможности здравому смыслу взять надо мной верх. Компания Air Baltic предлагает сравнительно недорогие билеты Рига – Париж на ближайший

четверг. Замечательно. Я оплачиваю покупку через Интернетбанк и спустя

несколько минут получаю письмоподтверждение регистрации. Ну, вот, отступить некуда, за нами Москва. И Рига. И все обманутые виртуальными

подонками русские девушки. Я чувствую себя Данилой из «Брата 2».

Маме я сообщаю, что Ленкиному мужу Пьеру срочно нужен переводчик с

французского на русский, а сама Ленка еще не знает язык в таком объеме.

Вследствие чего они вызывают меня и обещают оплатить дорогу и проживание.

– Мне языковая практика тоже не помешает, – убедительно рассуждаю я, загребая ложкой свекольник.

Мама качает головой. Ей во всем этом чужается фальшь.

– А француз твой этот погибший, никаких о нем вестей больше нет?

Я корчу скорбную физиономию.

– Я разговаривала с его родителями. Они убиты горем. Приглашали меня на похороны. Но я думаю, это неуместно, все-таки мы с ним ни разу в жизни не встречались.

– Да, ты права. Тебе там совершенно нечего делать. Кстати, я на днях видела Антона.

Что-то сомнительно, чтобы эта судьбоносная встреча была случайной.

Скорее всего, моя заботливая мама сама разыскала этого идеального на ее взгляд мужчину, поплакалась, что я страдаю от одиночества и предложила вернуться. Не удивлюсь, если она даже пообещала ему никогда больше не жарить котлеты из несвежего фарша.

– И что он? – вяло интересуюсь я.

– Исхудал совсем, бедняга. Сильно устает. Приходится ездить на работу из Даугавпилса.

– Пусть снимет квартиру в Риге.

– Говорит, денег нет.

Сейчас разрыдаюсь.

– И ты пожалела его и предложила жить у нас?

– Я не могу делать такие предложения без твоего согласия.

Но мне

кажется, было бы неплохо, если бы вы встретились и обсудили ваши отношения.

– Какие отношения, мама? Он ушел без объяснений два года назад, с тех

пор никаких отношений у нас не было.

– И плохо, что не было. Лучше уж Антон, чем какойто... Чем какойто французский мертвец. Ну, да, с этим не поспоришь. Но

видеть Антона у меня нет ни малейшего желания. Все мои мысли уже в

Париже. Воображение рисует красочные картины. Я шагаю по мосту

Александра III, ветер ласкает мои кудри и играет с подолом юбки. Лоран

идет мне навстречу. Он улыбается, обнимает меня и объясняет, что это его

завистливый коллега украл телефон, позвонил мне, а потом уничтожил

СИМкарту. «Я так боялся, что навсегда потерял тебя. Как хорошо, что ты

приехала» шепчет мне Лоран. Я понимаю, что никакой он не подонок, а

лучший в мире мужчина. Он целует мои волосы. Над Сеной садится солнце, бросая на воду золотистые отблески.

– Я бы на твоём месте ему позвонила, – тянет тем временем одеяло на себя мама.

– Я звонила, – грустно бормочу я, не вернувшись ещё окончательно в реальность.

– И что он сказал?

– А? Что? Кто?

– Антон! Кто же ещё!

– А Антон. Не знаю, сказал, что недоедает.

– Вот! Я же говорила! Надо спасти парня!

– Пусть этим займётся служба спасения. Я пойду закончу перевод.

Спасибо. Суп просто супер.

– Марина, нельзя так долго хранить в себе злобу. Давно пора простить

Антоня, – кричит мне вслед мама.

Я закрываю за собой дверь. Перед сном я подсчитываю в уме, сколько денег

накопилось на моем банковском счету за два года аскетического

существования, решаю, что нужно прикупить из одежды и жалею, что

вообще решилась на эту бесперспективную, нецелесообразную поездку.

Мое затворническое переводческое «Я» ужасается столь

несвойственному

ему необдуманному поступку. Оно пытается отговорить меня, приводя

кучу весомых аргументов. И я уже начинаю внимать голосу разума и почти

соглашаюсь потерять уплаченную за билет сумму, когда мой утомленный

терзаниями мозг обволакивает спасительная пелена сна.

Последующие несколько дней я посвящаю походам по магазинам. Не могу

же я шагать по мосту Александра Третьего в старых джинсах и выцветшей

майке. Надо заметить, что к одежде я отношусь достаточно спокойно, можно сказать даже безразлично. С тех пор, как Антон, подхватив свою

увесистую сумку Adidas, пересек порог моего дома, в моем гардеробе

появилась только одна новая вещь – платье, которое я надевала на свадьбу

к Ленке. Работа дома не обязывала меня следовать модным тенденциям, скорее наоборот; халат сменяли джинсы с протертыми коленками и теплая

добротная кофта советских времен. Главным требованием к одежде было

удобство. Теперь же пришло время скинуть с себя неприемлемую

гусеничную оболочку и превратиться в бабочку. Имеющиеся на карточке

денежные сбережения позволяют мне превратиться в махаона, а не в

капустницу. И потому я с полной уверенностью начинаю свой рейд с

бутиков Армани и Ферре, расположенных напротив Кафедрального собора.

Однако, уже в первом из них, сверлящий затылок взгляд неприветливой

продавщицы и настырное внимание охранника вынуждают меня позорно

бежать, не успев даже толком рассмотреть товар. Мне кажется, что как

только я начну разглядывать ценники, они вдвоем презрительно хмыкнут, придя к выводу, что денег у меня мало, и начнут следить за мной с

удвоенной силой, чтобы я не, дай Бог, не залапала ценный товар. Ведь

состоятельные покупатели не смотрят на цену. Нравится вещь – они ее

меряют. Подходит – покупают. Сетуя на свою трусость, я отправляюсь в

более демократические Манго и Зара, набираю там ворохи одежды и

пробую все без разбора, не глядя на стоимость. В ре-

зультате я

возвращаюсь домой обладательницей пускай не самого престижного, но нового и модного гардероба.

Чем ближе день поездки, тем сильнее мое волнение. Мой бедный желудок

трясется мелкой дрожью и отказывается от еды. Благодаря ему, мне

удается скинуть несколько килограммов и приобрести более тонкую

талию. Мне нравится мое отражение в зеркале, и я чувствую себя готовой к

великим завоеваниям. Если бы только не эта подлая дрожь. Мама не

понимает, зачем я так вырядилась для рабочей поездки. На мои «мама, это

же все-таки Париж!» она качает головой и приглядывается ко мне, силясь

разгадать мои замыслы. Не знаю, насколько ей это удастся.

В четверг она едет провожать меня в аэропорт, дает миллион типичных

родительских наставлений и берет с меня слово, что я буду регулярно

звонить. Я машу ей вслед рукой. Мои вещи проезжают по ленте через

металлодетектор, не вызвав претензий у таможенной

службы. Я забираю
сумку, набрасываю на плечи куртку и отправляюсь на по-
садку. Мои
соотечественники, толпящиеся в очереди на тот же рейс,
не вызывают у
меня почемуто дружеских чувств. Это на 80% крашенные
блондинки на
высоких шпильках, в гигантских солнечных очках, обтя-
гивающих
костлявые попки джинсах и майках с крупными логоти-
пами Cavalli. Они
картинно зевают, прикрывая силиконовые губы унизан-
ными острыми
акриловыми ногтями руками, подчеркивая обыденность
предстоящего
полета, и льнут к своим лысым дутым бойфрендам, кото-
рые в свою
очередь уже успели затариться в дьютифри «Русскими
Стандартами» и
«Рэд Лейблами». От мысли о скорейшем их откупорива-
нии на жирных
физиономиях, поросших трехдневной щетиной, бродит
счастливая улыбка.
Судьба решает наказать меня за какие-то неведомые мне
грехи и
подсаживает ко мне под бок парочку таких небритых пу-

тешественников с

внушительной бутылкой водки, которую они вскрывают, едва успев

пристегнуться. Стюардесса пытается както урезонить некультурных

пассажиров, но они в ответ хлопают ее по попе и заливи-сто гогочут. Я

делаю вид, что страшно утомлена, отворачиваюсь к окну и зажимаюсь.

Однако, моя самостоятельность не кажется моим соседям убедительной, они дергают меня за локоть, тычут в меня своей гигантской бутылкой, в

общем, оказывают знаки внимания. Я упорно жмурюсь и претворяюсь

слепоглухонемой. В конце концов, они отстают от меня, но все два с

лишним часа полета я слушаю слезное повествование о том, как одного из

них вырвало черной икрой.

Когда, наконец, самолет совершает посадку в аэропорту Шарль де Голль, я

вдыхаю с облегчением. Ленка не приехала меня встречать, потому что

далеко, и потому что мне проще добраться самой. Я долго ищу автобус, который идет из аэропорта до центра и по-французски называется navette.

Найдя, плачу за проезд и карабкаюсь вовнутрь, таща за собой набитый

Зарой и Манго чемодан. Париж, слегка сероватый от отсутствия солнца, но

все же прекрасный, приветствует меня через окно. В глубине души, где до

этого уживались только страх и вызванное неудачным соседством

отвращение, впервые пробуждается радостное волнение. Оно поднимается, раскидывает лучи, словно восходящее солнышко, и озаряет меня всю. Я

улыбаюсь, мне хочется вскочить с места и запеть во все горло «А Pariiiiiiiiis...».

Я сдерживаюсь, подозревая, что скромно одетые пенсионеры, которые

составляют большую часть пассажиров автобуса, могут неправильно

истолковать мой душевный порыв. Автобус высаживает меня у подножья

Триумфальной Арки и катит назад за новой партией читателей города

любви. Я некоторое время стою, сжимая ручку чемодана, и глупо улыбаюсь

Арке, Елисейским Полям, серому небу и спешащим куда-то проходим. Я в

Париже! Ленка долго объясняет мне, где найти автобус,

который привезет
меня к ней. Она не скупится на подробности, потому что
знает, что
разговор оплачиваю я. Мне надоедает это бесполезное
красноречие, я
решаю взять такси и не париться. Пожилой таксист, типичный вплоть до
кепки на голове француз, неспешно направляет свой автомобиль ровестник
по парижским улицам. Я зачарованно гляжу в окно и думаю, что где-то, может быть, совсем близко, сейчас ест свой
бутерброд, спешит на деловую
встречу, или скучает в офисе обманщик Лоран. Он и не подозревает, что
наши дорожки скоро пересекутся. Я встречу его и скажу: «Для человека, погибшего в авиакатастрофе, ты совсем
неплохо выглядишь». Что ответит
он, я додумать не успеваю, потому что такси тормозит у
Ленкиного дома.
«Ну, вот зачем надо было тратить на такси!» встречает меня замечанием
подруга, когда я, пыхтя как бурлак, выволакиваю свой чемоданище на
пятый этаж. «На автобусе добраться элементарно. Всего одна пересадка.
Проходи. Извини, у меня не очень прибрано». Я протис-

киваюсь мимо нее в

квартиру. «Где мне можно расположиться?» Ленка после некоторых

сомнений выделяет мне диван в проходной комнате. «Задвинь чемодан

подальше, чтобы не портил интерьер, мой руки и на кухню пить кофе с

макаронами» приказывает мне она.

– Сначала макароны, а потом уже кофе, – поправляю я, осматривая свои

владения.

– Можешь и так, но лучше одновременно. Я даже макаю их в кофе, так

вкуснее.

Я намыливаю руки, представляя себе длинную спагетину измазанную

кофейной гущей. А еще говорят, французы – гурманы. На маленькой не

очень уютной кухне меня уже ждет крошечная чашечка крепкого кофе и

разноцветные бисквиты, которые, как оказалось, и называются macarons.

– Ну, как там у вас? – горестно вздыхая, вопрошает новоявленная

парижанка. Вопрос задан таким тоном, как будто я приехала не из

европейской столицы, а из блокадного Ленинграда.

– Тяжело, – отвечаю я таким же тоном, чтобы не разбивать ее иллюзии.

Ленка качает головой со скорбной миной на сильно округлившейся за

прошедший год физиономии.

– Знаешь, мне здесь тоже непросто. Порусски никто не говорит, медицинское обслуживание ужасное. А на днях, представляешь, отравилась

устрицами.

Я не представляю, потому что устрицы видела только когда давно на

картинке в книге «Подводный мир». Мне вспоминается сегодняшний

попутчик, который не переварил черную икру. Видно, не принимает

славянский организм заморские деликатесы. Я слушаю Ленкин рассказ и

жую розовый бисквит. Одна фраза больно режет мое нежное ухо филолога.

– Как, как ты сказала?

– Что? Аннулировала randevu?

Ухо сворачивается в трубочку.

– В смысле отменила встречу? – поправляю я.

– Ну, я так и говорю. Так вот, слушай...

Ленка в своих рассуждениях несколько раз гордо подчер-

кивает «здесь у нас в Париже». Я чувствую себе бедной родственницей, прибывшей из забытого Богом захолустья. В восемь вечера с работы возвращается Пьер, которого Ленка явно не посчитала нужным поставить в известность о моем приезде. Он, как человек вежливый, не вылупливает глаза, а галантно скрывает удивление за гостеприимной улыбкой. Ленка жалуется, что у нее нет столовых приборов на трех человек. Комуто придется есть из некрасивой, недизайнерской тарелки. Пьер предлагает принести себя в жертву. Но я противлюсь такой несправедливости и на правах незваного гостя забираю некрасивую тарелку себе. Ленка подает entrée в виде завернутого в маринованные баклажаны творожного сыра. Как я узнаю позже, и это и другие блюда куплены в ближайшей кулинарии. Пьер достает из холодильника вино, чтобы отметить мой приезд. Он какает несколько капель себе в бокал, долго катает их по дну, приносясь как

собака, потом осторожно выливает их себе на язык и, закатив глаза, шевелит губами. «Дегустирует» объясняет мне Ленка. Пьер выходит из

нирваны и сообщает, что вино отменное. Ленка на смену баклажановым

завертышам выносит разогретую лазанью. У меня так и чешется язык

спросить: «А что устриц сегодня нет в меню? И черной икры тоже нет?»

Супруги молча жуют местами холодную лазанью. После главного блюда

подается сыр. И истинный француз и переродившаяся из рижанки

француженка ловко отрезают плесневелые корочки и запихивают в рот

крупные желтоватые ломти. Я чтобы не отстать и окончательно не

прослыть деревней беру на пробу жидковатый кусочек.

– Этот тебе не понравится, – категорично заявляет моя хорошо

осведомленная в сырных делах подруга, вырывает у меня из рук

злосчастный кусок и проглатывает его сама, – Возьми лучше Saint Nectar, его больше осталось.

– Дай Марине самой попробовать, чоу, – вступается за меня Пьер.

Ленка смотрит на часы.

– Через десять минут «Nouvelle star»[5] по шестому каналу. Мне надо

успеть до этого помыть посуду. Давайте быстренько закругляйтесь.

– А как же десерт? – возмущается ущемленный в своих правах муж.

– Пьер, mon amour, поешь свой йогурт на диване.

Я вызываюсь помочь убрать посуду и в результате перемываю больше

тарелок, чем хозяйка. На меня наваливается неподъемная усталость.

Хочется лечь, вытянуть ноги, закрыть глаза. В идеале вообще заснуть. Но

на отведенном мне диване Пьер ест свой йогурт, а Ленка устроилась

смотреть передачу. Мне не остается ничего другого, как примоститься с

краю и дремать в ожидании пока двухчасовое шоу не закончится. В конце

концов, я засыпаю понастоящему и чувствую сквозь сон, как Ленка

накрывает меня одеялом и подсовывает под голову подушку. «Мерси и

больше не проси» возникает откудатo в сонном мозгу.

Следующим утром я открываю глаза и обнаруживаю, что,

фамильярно

прижавшись ко мне, похрапывает жирный полосатый кот, который

вчерашним вечером не был мне представлен. Я аккурат-но, чтобы не

потревожить незнакомое животное, выбираюсь из под одеяла и семеню в

ванную. Приоткрыв дверь, я сталкиваюсь нос к носу с раздетым по пояс

измазанным пенкой для бритья Пьером. «Pardon» бормочу я и ретируюсь.

– Доброе утро. Элен обычно просыпается не раньше десяти, – сообщает

мне изза закрытой двери Пьер.

– Ясно. А ты не знаешь случайно, что это за кот дремлет на моей кровати?

– Это Мину. Он обычно не любит гостей. Тебе повезло.

Нереально просто повезло. Я жду, пока Пьер закончит свой утренний

туалет и освободит ванну. Ждать приходится долго. В конце концов, он

появляется в дверном проеме в не очень удачно скроенном костюме, распространяя за версту аромат какого-то неизвестного мне парфюма. Я

желаю ему хорошего дня. Он отвечает мне там же и прикрывает за собой

входную дверь. Я с облегчением занимаю ванную комнату. В десять с чем-то просыпается Ленка. Мы завтракаем непривычными мне гренками, щедро смазанными маслом и вареньем. Я бы, конечно, предпочла свежий

круассан, но такой вариант не предлагается.

– У меня сегодня много дел, – щебечет моя подруга, макая свой странный

бутерброд в чай, – так что поводить тебя по городу я не смогу.

– Ничего страшного. Я хорошо ориентируюсь в Париже.

– Да? – Ленка удивленно вскидывает тонкую выщипанную бровь.

Я киваю, давась чересчур сладким вареньем. Я была в Париже дважды.

Первый раз с автобусной экскурсией в десятом классе, второй у Ленки на

свадьбе. Кроме того, план Парижа лежал у меня на письменном столе под

стеклом все годы учебы в университете. Вследствие всего вышеперечисленного я вполне законно могу считать себя знатоком этого

замечательного города.

– А я не знала, что у тебя есть кот, – меняю тему я.

– Да, этот. Пьер скачал его из Интернета.

– В смысле?

Я не знала, что домашних животных уже научились скачивать как

прикладные программы.

– Ну, заказал по Интернету из какого-то известного elevage, не знаю, как

это будет порусски.

– Питомник, – подсказываю я.

– Угу. Он с виду беспородный, но на самом деле у него куча медалей. А

его полное имя занимает три строчки в паспорте.

Выходит, я спала не с беспородным котом, а с медалистом.

Это в корне

меняет дело.

– Значит, справишься сама? Ты куда вообще собираешься? В Лувр? На

Монмартр? Если хочешь, я распечатаю тебе карту.

У «коренной» парижанки этот банальный туристический маршрут вызывает

презрение, которое она не в силах скрыть. Я же в свою очередь

предпочитаю казаться в ее глазах, скорее неприязнительной туристкой, чем

охотницей за мертвыми французами, потому охотно соглашаюсь на карту.

Тем более что она мне может и в самом деле пригодиться.

– Вот. От Лувра пойдешь через сад Тюльери, потом вдоль Сены до

Эйфелевой башни.

– Спасибо. Я сама разберусь.

– Ну, дерзай. Если заблудишься, звони.

– Непременно.

Я надеваю новое белое платье, крашусь чуть ярче обычного, сбрызгиваюсь

жасминовым Diorissimo. Зеркало подтверждает мою полную боеготовность.

– Ты зря так вырядилась, – вносит свою пессимистическую лепту моя

добрая подруга, – В метро заляпаешься, да, и арабы будут приставать.

– Какнибудь отобьюсь.

Я бегу вниз по ступенькам, ощущая за спиной крылья. На улице солнечно и

тепло. Пожилая пара завтракает в маленьком кафе. Она жует круссан, запивая кофе, он листает газету. У их ног посапывает пожилая болонка. Я

вспоминаю, как в свою первую поездку мне хотелось подойти к каждой

такой паре и потрогать их, чтобы убедиться, что они настоящие. Ведь они

были точной копией того стереотипа, что нам рисовали годами на уроках

французского. Вплоть до круассана, газеты и маленькой собачки. Они были

для меня такой же неотъемлемой достопримечательностью Парижа как

Эйфелева башня и Триумфальная Арка. Мне хочется присесть за соседний

столик, заказать это клишейное кофе с круассаном и тоже влиться в

цветную картинку летнего Парижа. Но меня ждут великие дела. Я

разглядываю карту, прикидывая, как добраться до нужной мне улицы.

Можно было, конечно, спросить у Ленки, но это вызвало бы подозрения. В

непосредственной близости от жилища Лорана нет ни одной туристической

точки. Мои размышления прерывает приятный мужской голос, произносящий английские слова с сильным французским акцентом.

– Вам помочь?

Я поднимаю глаза на немолодого сидящего мужчину с загорелым

улыбающимся лицом.

– Спасибо. Мне нужно попасть вот сюда. Я не знаю, на чем лучше ехать, –

отвечаю я пофранцузски.

Он улыбается еще шире и объясняет мне дорогу. Я благодарю услужливого
прохожего и отправляюсь на остановку указанного автобуса. При мысли о
скорой встрече с Лораном меня охватывает мандраж. Я успокаиваю себя
предположением, что в такое время его, скорее всего не окажется дома. И
потом мандражировать должен он, а не я. Не я же гибла в выдуманной
аварии. Автобус катит по залитым солнцем улицам, периодически
застревая в пробках. Сидящая передо мной пожилая женщина (в виду
наличия завивки, макияжа, духов и бижутерии бабушкой такую никак не
назовешь) сообщает попутчице, что сегодня бастуют таксисы, поэтому
столько пробок. Они долго обсуждают, почему бастуют таксисты. Детали
разговора вследствие моей непарижаночности, или же из-за пробелов в
знании языка от меня ускользают. Наконец, неспешное транспортное
средство доставляет меня к месту назначения. Остается только найти

нужный дом. Сердце колыхается где-то в горле, мешая дышать. Я пытаюсь

усмирить его, но оно окончательно выходит из под контроля. Пятый, седьмой.. Мне нужен пятнадцатый. Значит, на этой стороне. Что я скажу?

Что я скажу ему, если он окажется дома? Нет, на часах двенадцать с

копейками, с какой стати работающему человеку в такое время находиться

дома? А кто сказал, что он работающий? Он и сказал. А еще он сказал, что

разбился на самолете. Вот и дом номер 15. Спокойствие, только

спокойствие, как наказывал нам летучий швед Карлсон. Напротив одной из

кнопок вызова красивым подчерком выведено *Laurent Dussand*. И зачем

только я сюда приехала! – истерично орет внутренний голос. Я

зажмуриваюсь и давя на кнопку. В голове носятся, сбивая друг друга, беспорядочные обрывки мыслей. Я ожидаю услышать в динамике его голос, но вместо этого дверь пищит, приглашая меня вовнутрь. Я сдерживаю

порыв броситься наутек, тяну за ручку и оказываюсь в подъезде. Мне

навстречу по лестнице спускается незнакомый мужчина,

беглого взгляда на

которого хватает, чтобы убедиться, что это не Лоран.
Мужчина

спотыкается на ступеньке, краснеет и смущенно здоровается. Подобная

реакция незнакомца придает мне уверенности в себе. Не зря, значит, я «так

вырядилась». Французы просто падают и штабелями укладываются. Я

поднимаюсь по ступенькам уже гораздо более уверенным шагом. Вот, кажется, и нужная мне квартира. Дверь немного приоткрыта. Чтото мне

это все перестает нравиться. Откуда ни возьмись на меня веет

примитивным детективом. Сейчас я войду, а он лежит там в луже крови с

ножом в сердце. А в подъезде я, выходит, столкнулась с убийцей. Потому

он и покраснел. Не каждый же день человека убиваешь, совесть мучает

наверно. Мои мрачные размышления прерывает пожилая женщина, которая

неожиданно возникает изза приоткрытой двери.

– Здравствуйте, мадмуазель. Это вы звонили?

– Да, – неуверенно киваю я.

– А Лорана нету. Он уехал к родителям.

– А..

– А я домработница. Убираюсь у него раз в неделю.

– А вы не знаете, он надолго уехал? – нахожусь, наконец, я.

– Вроде да. Они живут в Монпелье. Он часто к ним летом ездит.

– А вы случайно адреса не знаете? Мне очень нужно его найти.

– Нет, точно не знаю. Он говорил, что в центре на Jeu de Paume.

Мне хочется спросить у женщины, как выглядит ее наниматель.

Действительно ли он высокий симпатичный брюнет. Но интуиция

подсказывает мне, что подобный вопрос вряд ли будет уместен.

– Вы не очень спешите? – неожиданно обращается она ко мне.

– Да, нет.

– Вы не могли бы покараулить дверь, пока я мусор вынесу. А то тут замок

плохо открывается, я каждый раз мучаюсь.

– Конечно. С удовольствием.

Домработница спускается по лестнице, таща за собой огромный мешок

мусора. Как только она исчезает из поля зрения, я моментально оказываюсь

в квартире. Первая комната по всему виду гостиная, диваны, широченный экран телевизора, цветки в горшках. Направо по коридору более интересное помещение, напоминающее рабочий кабинет. Я кидаюсь к столу, на котором горкой свалены книги. При ближайшем рассмотрении на нем обнаруживается счет за квартиру на имя мосье Дюссана, какието квитанции, учебник по юриспруденции, словарь, карандаши, калькулятор...

Ага, а вот и то, что я ищу – карточка члена клуба верховой езды с фотографией. Непослушное сердце совершает сальто и летит в неизвестном направлении. Это он. Фотография мне не знакома, но это, безусловно, он.

Темноволосый, загорелый с уверенной улыбкой на красивом лице. Я обращаю внимание, что в строчке «адрес» значится не парижская квартира, а как раз этот бульвар в Монпелье. Дом номер 8. Я кладу карточку на место и спешу покинуть квартиру, пока домработница не вернулась. Мне удается занять свой пост буквально за несколько секунд

до ее появления.

Она благодарит меня за помощь. Я прощаюсь и скатываюсь вниз по ступенькам.

Дорога до центра занимает гораздо меньше времени, через пол часа я уже гордо шагаю по Елисейским Полям. Я еще не знаю, что буду делать дальше.

Решусь ли отправиться следом за подлецом Лораном в неизвестный мне

Монпелье или посчитаю свою миссию выполненной и вернусь в Ригу. На

данный момент меня это не волнует. Я наслаждаюсь охватившим меня

чувством свободы и окрыленности. Я впервые в Париже одна, такая

красивая и независимая. Первое мое посещение этого города мечты

запомнилось изнурительными экскурсиями, крошечным отелем в районе

Пигаль и захваченными из дома сухофруктами, которые мы с мамой

глодали вечером в номере, чтобы не тратиться на рестораны. За второе

двухдневное я только и успела, что побывать на Ленкиной свадьбе, расстроиться и крепко напиться. Я не видела даже

Эйфелевой башни. Зато

теперь у меня навалом времени, и я могу делать, что пожелаю. Желаю я, прежде всего, выпить кофе с круассаном. Et voila![6] Через десять минут

официант ставит передо мной мой скромный заказ с вежливым: «Je vous en prie, Madame[7]». Это молодой парень лет двадцати. Выходит, для него я уже мадам.

А для пожилой домработницы еще была мадмуазель. Оказавшись так

неожиданно состаренной, я както сразу сдуваюсь. Хорошее настроение

выходит из меня как воздух из шарика. Скоро тридцатник, а еще

незамужем, хотя, как поется в дурацкой песне, уже давно пора. Сижу на

Елисейских Полях и радуюсь, что многолетним переводческим трудом

заработала себе на кофе с круассаном. То же мне достижение! Ленка вон

моложе меня, а уже год как замужем и для нее этот пресловутый дуэт

такая же обыденная вещь, как для меня буханка хлеба с молоком. У

остальных моих подруг и бывших одноклассниц уже дети в первый класс

пошли. А я... Проходящий мимо молодой человек адресует мне

заинтересованную улыбку, заставляющую меня немного воспрять духом.

«Ну, и что, – вступает мой безмолвствовавший до этого оптимизм, «как

говорила бабушка – выйти замуж не напасть, как бы выйти не пропасть.

Будет еще и на нашей улице праздник». Праздник мог бы быть уже сейчас,

– возражает занудствующее «Я», – если бы Лоран не оказался свиньей. Мои

мысли возвращаются к Лорану. Я цежу маленькими глоточками кофе и

размышляю, стоит ли ехать в Монпелье. С одной стороны я никогда не

была на юге Франции, это станет для меня новым впечатлением, не считая

уже самой долгожданной встречи. С другой стороны придется жить в

отеле, а накопленный мною капитал не готов тягаться с закромами

дядюшки Скруджа. Не свойственный мне ранее авантюризм, который в

последнее время расцвел в полную силу, настаивает на первом варианте. В

конец концов, моей миссией было взглянуть в глаза человеку, с которым я
общалась почти год, к которому испытывала серьезные чувства, и который
над этими чувствами посмеялся, обманув меня в особо жестокой форме. А
этих глаз я пока кроме как на фотографии нигде больше не видела. Нет, мосье Дюссан, я все-таки доберусь до вас. Я допиваю, судя по
принесенному счету, самый дорогой в своей жизни кофе, плачу и выхожу
из кафе. Елисейские Поля кишат разнообразными туристами, слегка
разбавленными местными жителями. Ко мне возвращается хорошее
настроение. Я смешиваюсь с людским потоком и позволяю ему увлечь меня
за собой. Постепенно толпа рассасывается, и на Place de la Concorde я
выхожу в гордом одиночестве. Передо мной в зеленой дымке сада Тюльери
торжественно выседают Лувр. За моей спиной знаменитый бульвар венчает
Триумфальная Арка. Удивительно, что этот пейзаж, уже виденный
миллионы раз в книгах и кино, и уже запечатленный од-

нажды

собственноручно на пленку фотоаппаратамыльницы вну-
шает такой

восторг, как будто я наблюдаю его впервые. Я гуляю по
белым дорожками

парка, обхожу стеклянную пирамиду Лувра, потом пово-
рачиваю направо и

бреду вдоль берега Сены по направлению к НотрДаму.

Время летит

незаметно.

По возвращению в приютившую меня квартиру застаю
Ленку на диване в

таком же виде, в каком оставила ее утром. Она лениво ин-
тересуется, как

прошел день, и, не слушая ответа, отправляется на кухню
варить кофе. Я

мою руки и присоединяюсь к ней. Скачанный из Интер-
нета кот водружает

все свои породистые килограммы мне на колени и удовле-
творенно

щурится.

– Слушай ты не знаешь, как из Парижа добраться до Мон-
пелье? –

закидываю удочку я.

– Монпелье? А тебе туда зачем? – тактично интересуется
подруга.

– Подслушала разговор в автобусе. Говорят, там красиво. Море рядом.

– Не знаю, надо спросить у Пьера.

Через несколько часов с работы возвращается Пьер. Ленка сажает всех за

стол и распределяет по тарелкам салат из помидора и базилика.

– Cheri, ты не знаешь, что за город такой Монпелье? – спрашивает она между делом.

– Знаю, конечно. Красивый город. Недалеко от Нима находится. Он

известен своими университетами, там очень много студентов.

– Студенты, – Ленка морщит нос, – Это неинтересно. Лучше уж, Маринка, отправляйся на Лазурный берег, в Канны, СанТропэ.

Подруга мечтательно закатывает глаза.

– Шоу, ты же знаешь, что там страшно дорого, – возражает Пьер, – Не

слушай ее Марина. На Лазурном берегу такие цены, что человеку среднего

достатка там делать нечего. Мы с Элен еще ни разу не ездили.

Ленка прямо вся сжимается и, на мой взгляд, и даже уменьшается в

размерах от такого удара по созданному имиджу. Ее, парижанку,

приписали к среднему классу, неспособному оплатить себе достойный
отдых.

– Зато в Монтпеллье, – продолжает не подозревающий о своем промахе

муж, – все гораздо доступнее. И море недалеко. Кроме того, недавно

открыли новый маршрут TGV Париж – Монтпеллье, длится три часа с

хвостиком. Билет можно купить прямо на вокзале Gare de Lyon.

– Здорово, – радуюсь простоте решения я, – Тогда я наверно так и

поступлю. Зарезервирую отель и съезжу туда на пару дней. Не хочется вас

тут стеснять.

– Ты нас совершенно не стесняешь, – не очень уверенно протестуют

супруги.

После ужина меня допускают до ноутбука Пьера. Я загружаю свой почтовый

ящик. Гдето в глубине души, очень глубоко, теплится совсем слабенькая

изможденная надежда обнаружить там письмо от Лорана.

Как только

страничка загружается, и мои глаза пробегают верхние жирные строчки, эта тень надежды исчезает. Две Виагры и один пятидесятидвухлетний

поклонник (если подумать, то можно усмотреть между ними некую

кармическую связь) составляют весь мой улов. Я закрываю ящик и начинаю

поиск отелей в студенческом Монпелье. Сравнив цены с Канновскими, я

понимаю, что имел в виду Пьер, и невольно проникаюсь благодарностью к

Лорану за то, что он решил провести свой отпуск на этой стороне

побережья. Я выбираю четырехзвездочный отель «Метрополь», судя по

описанию, расположенный в самом центре. Я распечатаваю бланк

резервации и расписание поездов, которое мне нашел Пьер. Ну, вот, первый

уровень игры «Поймай подлеца» пройден, я готова к переходу на второй.

Супруги снова оккупировали мой диван. Пьер черпает ложечкой очередной

йогурт, а Ленка смотрит глубокомысленную передачу «Next». Для тех, кто

незнаком с этим шедевром изначально американского, а теперь и

французского телеискусства, объясню, в чем состоит смысл, если таковой

вообще имеется. Одиноким подросток, будь то девочка, мальчик или гей, выбирает себе пару из пяти предлагаемых кандидатур. Этих кандидатур

изначально запихивают в автобус, откуда они выходят по одному, представляются (типа: «Жан, 17 лет, в детстве съел паука») и стараются

всячески понравиться выбирающему. За каждую минуту, проведенную с

ним вместе, автобусники получают один евро. На данный момент на экране

долговязый подросток, который хвастает, что не мылся уже три месяца, и

потому надеется, что исходящий от него аромат сразит девушку на повал.

Ну, если только в прямом смысле этого выражения, думаю я и ошибаюсь.

Девушка находит длинного привлекательным и просит его, переодевшись в

костюм гигантской белки, залезть на дерево, чтобы показать свою мужскую

силу. Громадная белка скользит по стволу, вяло цепляясь лапами, не

удерживается и съезжает вниз. «Ты не достоин меня» делает вывод

малолетка и отправляет претендента обратно в автобус. Вонючка, однако, вполне доволен, потому что постыдное карапканье принесли ему 30 евро.

– Неужели тебе нравится это разжижение мозгов? – спрашиваю я у Ленки

порусски, чтобы не обидеть Пьера, соотечественники которого это все вытворяют.

– Тсс. Смотри, сейчас этот тоже полезет.

Мне неинтересно смотреть, как очередная пародия на белку будет брать

штурмом упрямое дерево. Я беру полотенце и отправляюсь в ванну.

Закончив водные процедуры, выхожу и нос к носу сталкиваюсь с

недовольной Ленкой.

– Ты что второй раз за день мылась? – негодует она.

Отрицать бесполезно, я повинно киваю головой.

– Ну, вот, теперь Пьеру не принять душ! Горячей воды не осталось! А он

весь день работал, вспотел.

– Извини, я не знала, что вода ограничена.

Я чувствую себя преступницей. Лишила хозяина дома возможности смыть с

себя наработанный за день пот!

– Конечно, ограничена. Горячей нам хватает на два душа и одну ванну.

Вот вам и Европа. Мне вспоминаются рассказы чьихто знакомых

путешественников про то, что толи в Японии, то ли в Китае вся семья

моется по очереди в одной ванне, чтобы сэкономить воду.

– Там еще не вся вода спустилась, если что.., – мямлю я.

Ленка не слушает меня, она чувствует себя оскорбленной.

Мало того, что я

понаехала на ее голову, и меня надо два раза в день кормить, так я еще и

умудрилась приоткрыть красивую занавесь и обнаружить прорехи в ее

шикарной парижской жизни.

Я раскладываю опустевший диван и забираюсь под одеяло. Завтра я буду в

Монтпелье и, может быть, наконец, увижу Лорана. Мое воображение

опять рисует разнообразные картины этой встречи. На сей раз ему

приходится труднее, потому что декорации мне неизвестны. В конце

концов, я засыпаю, согреваемая с одного боку толстопущим Мину.

На следующее утро я просыпаюсь пораньше. Пьер, очевидно, гонимый желанием побыстрее избавиться от лишнего потребителя воды, предлагает подбросить меня до метро. Я наспех одеваюсь и вылетаю из квартиры вслед за ним. Маленький серый Опель доставляет меня прямо к входу в подземку. Пьер велит мне сесть на 14 линию, которая довезет меня прямо до Gare de Lyon. Он упоминает, что эта линия самая быстрая и надежная, потому что поездом управляет робот. На остальных часто бывают всякие неполадки и забастовки, а роботы во Франции пока еще не научились отстаивать свои права. Я благодарю его за столь ценную информацию и, попрощавшись, спускаюсь вниз на эскалаторе. Приобретая билетик, я замираю перед автоматическими дверцами. Жительница маленького города, непривыкшая к метро, позорно переступает с ноги на ногу, вспоминая зловещие заклинания волка из «Ну, погоди!». А если меня защемит? Я если застрянет чемодан? Назад отступить некуда. Эх, была, не была! Я сую в щель автомата билетик, он послушно распахивает пасть.

Я кидаюсь

вперед. Чемодан, решив воплотить в жизнь мои страхи,
застревает в узком

проходе. Я тяну его на себя, как персонаж сказки «Репка»
одноименный

овощ. Он отчаянно сопротивляется. В конце концов, мои
мытарства

вызывают жалость у проходящего мимо корпулентного
мосье, и он

помогает мне вытянуть непослушный багаж. Я закатыва-
юсь в вагон и

вдыхаю с облегчением. И тут я некстати вспоминаю, что
за рулем

железной гусеницы бездушная машина. Готова ли я дове-
рить свою жизнь

незнакомому роботу? Додумать до конца эту не самую ин-
теллектуальную в

моей жизни мысль мне не удастся, потому что уже второй
остановкой

оказывается Gare de Lyon, о чем громогласно заявляет
электронным

голосом. Я выхожу, мгновенно вливаясь в спешащий люд-
ской поток.

Следуя указателям, я уже вскоре оказываюсь на вокзале.
Следующим

уровнем этой путешественномыслительной игры являет-

ся покупка билета.

Его мне продает еще одна машинаавтомат. Она вежливо спрашивает, куда

я желаю отправиться и в какое время. Я выбираю ближайший поезд.

Электронный продавец соглашается и просит дать пожевать мою

кредитную карточку. Оценив ее вкусовые данные, машина возвращает

кредитку и выплевывает из своих недр билет. До отправки поезда еще

тридцать минут. Я захожу в газетный киоск. На стендах с художественной

литературой доминируют Леви и Мюссо. Это два современных

французских автора, которые в своих нетленках описывают любовные

перипетии несколько необычного характера. То главный герой влюбится в

дух женщины, лежащей в коме, то родители встретят погибшую пять лет

назад дочь. Судя по тому, что жанр этих историй не фантастика, можно

сделать вывод, что для французов это дела привычные. Моя зарисовка с

невестой прибывшей на похороны никогда не виденного

жениха могла бы

стать отличным началом подобной книги. Я из чистого любопытства

приобретаю газету le Parisien и иду на свой поезд. Номера вагонов если где

то и обозначены, то в таком месте, которое невооруженным глазом не

углядеть. Пять раз спросив, я, наконец, обнаруживаю свой вагон и свое

место. Ну, вот, еще один уровень пройден, с чем я мысленно себя

поздравляю. Скоростной поезд, утробно гудя, трогается с места. Я

открываю газету. В отличие от латвийских новостей, 70% которых

составляют репортажи о ежегодном взвешивании черепак в рижском

зоопарке и выращенной в отдаленном пагасте восьмиголовой лилии, французские поражают своей насыщенностью. Найдены обнаженные фото

жены президента, сам президент хвастает на весь мир новым Ролексом. В

Париже убита студентка из Швеции, убийца маньяк задержан на

следующий же день. Новые дебаты по делу Шанталь Себир, эвтаназия или

самоубийство? Открытие музея Шанель, выставка в музее Помпиду, международный конкурс соммелье.. За окном между тем проносятся серо

зеленый пейзажи, поля, крошечные домики, водоемы. Я дремлю, уткнувшись в газету.

Через час меня будит переварившийся и желающий покинуть организм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.